

7. Минц З.Г. К изучению периода «кризиса символизма» (1907–1910) // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1991. № 881. С. 3–20.

8. Сологуб Ф. Собрание сочинений : в 20 т. Спб. : Сирин, 1913. Т. 14.

Considering the issue of typology of the neomythological novel of the Silver Age

There are found out the peculiarities of the typology of the neomythological novels by V.Y. Brusov, Feodor Sologub. There is showed that the myth novel by N.S. Gumilev "Forest Devil" that reflects the myth about the world from various points of view, does not fit into the given typology.

Key words: *neomythological novel, myth novel, symbolism, structure, typology.*

С.Б. КЛИМОВА
(*Нижний Новгород*)

ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА И.А. БУНИНА В КОНТЕКСТЕ АНГЛИЙСКОГО ДИАЛОГА О РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ*

Рассматривается связь английских литературно-критических оценок творчества И.А. Бунина в 1920 – 1930-х гг. с комплексом социальных идей, эстетических и политических взглядов и ценностей английской культуры.

Ключевые слова: *английский диалог о «русском» и «советском», базовые ценности английской культуры, литературно-критические оценки, политические взгляды, восприятие творчества Бунина.*

В 1927 г. в одном из самых влиятельных британских литературно-критических журналов «Крайтерион» (“Criterion”, октябрь 1922 г. – январь 1939 г.) [6, с. 146] в рецензии Дж. Курноса на русский эмигрантский жур-

* Статья подготовлена в рамках проекта «Россия и русские в английской литературе на двух рубежах – XIX–XX и XX–XXI веков», поддержанного федеральной целевой программой «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (шифр «2010-1.3.1-303-016»).

нал «Современные записки» (Париж, 1920–1940 гг.) появился весьма благожелательный отзыв на новое произведение И.А. Бунина: «Двадцать восьмой номер этого журнала открывается чудесным рассказом “Солнечный удар”, который мог быть написан только Иваном Буниным. Автор “Господина из Сан-Франциско” никогда не писал лучше. И как бы ни был короток этот рассказ, он заслуживает немедленного перевода» [8, с. 281].

Рассказ «Солнечный удар», однако, не был переведен на английский язык ни в 1920-е, ни в 1930-е гг. Более того, в рецензии на «Современные записки», опубликованной в 1934 г. в апрельском номере «Крайтериона», тот же Курнос, комментируя присуждение литературной премии Нобеля в 1933 г. Бунину, не преминул сослаться на слухи о том, что писатель «похитил лавры Горького», и нелестно-иронично описал бунинский поздний шедевр «Жизнь Арсеньева» как «длинноватый роман» (longish novel) [13, с. 535].

Оставляя в стороне вопрос об убеждениях самого Курноса, обратимся к той связи литературных оценок и политических взглядов, которая ярко-драматически окрашивает собой общее восприятие русской и советской литературы в Англии в период 20–30-х гг. XX в. Значимость этой связи для английского диалога о русском и советском ясно вырисовывается в том числе в перспективе рецензий журнала «Крайтерион». Формальными вехами этой перспективы являются периоды рецензирования исключительно эмигрантских литературных журналов в 1922–1927 гг., как советских, так и эмигрантских журналов с января 1928 г. по декабрь 1937 г. и, наконец, исключительно советских журналов в 1938 г. Основные смысловые сдвиги этой перспективы улавливаются в отдельных рецензиях Курноса за 1927–1928, 1930, 1934 и 1938 гг.

Первая из данных рецензий, написанная еще в период рецензирования исключительно эмигрантских журналов, обозначает позицию понимания и приятия литературы русского зарубежья. Основная оценка выражена в начальном высказывании о парижском журнале «Версты»: «Второй выпуск этого журнала <...> не менее замечателен, чем первый». Оценка «Современных записок», однако, не столь однозначна: Курнос не слишком уверенно утверждает, что этот журнал «хорош в сво-

ем роде», хотя и «консервативен» [9, с. 186–187].

Упрек в консервативности в дальнейшем развился в отказ русской эмигрантской литературе в творческой энергии. В номере за январь 1928 г. Курнос написал о творческой «энергии» и «мощи», которые, по его мнению, отличают молодую советскую литературу от эмигрантской [10, с. 91]. В номере за декабрь 1928 г. он уверенно утверждал, что эмигрантский мир не породил ни одного нового художественно одаренного писателя, и параллельно проводил мысль о способности сохранения русской культуры в СССР, отмечая, что советские критики ни в коей мере не имеют того презрения к прошлому, в котором их подозревали [11].

В апрельской рецензии за 1930 г. мысль Курноса о чрезмерной консервативности литературного творчества эмигрантов приобрела политическую и эстетическую определенность: за словами о том, что «писатели-эмигранты все еще говорят о демократии» и «все еще способны писать циклы сонетов» стоит обвинение русской эмиграции в литературной и политической несовременности и бессилии. Это обвинение получает краткую формулу «анахронизм» и контрастно оттеняет положительный отзыв о советском искусстве, которое «напряженно интересуется настоящим» и твердо стоит на «родной земле» [12, с. 585].

Мысль о творческом бессилии русской эмиграции и скрытое, но ясно проглядывающее за ней обвинение в социально-политическом равнодушии проводятся и в цитированной выше апрельской рецензии за 1934 г. В творчестве писателей русского зарубежья Курнос видел все то же «собираение деталей прошлого», слишком «смирненное» для того, чтобы быть современным [13, с. 535]. Это отношение получило свое логическое завершение в забвении в журнале «Крайтерион» к 1938 г. русской зарубежной периодики. В январском номере 1938 г. Курнос говорил только о советских литературных журналах («Новый мир», «Литературный критик», «Литературный современник») и снова выразил мысль о молодой энергии и творческом потенциале советского искусства в обобщенном суждении о русском народе: «Теперь русские – очень энергичный народ, находящийся в постоянном движении» [14, с. 383]. Нельзя при этом утверждать, что оценки советской периодики и тем более советского режима в «русских рецензиях» Курноса однозначны. Иронией

наполнены его слова о «превосходстве советских людей» над всеми остальными, суть которого определяется традиционным стремлением русских к бесконечному общению, «детским высокомерием» и «наивной самоуверенностью» (Там же). Однако идея *движения, молодой энергии* главенствует над иронией.

Идея эта, безусловно, принадлежала не исключительно Курносу и выражала не только его взгляды. Она соответствовала общему интеллектуальному настроению английского общества данного периода [5, с. 148; 19, с. 270–275], а также интересам и позиции журнала «Крайтерион». Эта позиция нашла свое прямое выражение в статье А.Л. Рауза «Теория и практика коммунизма» [23]. Статья начинается с рассуждения о «кризисе» коммунистического «эксперимента» в России. Кризис этот в дальнейшем связывается в статье в первую очередь с новой идеологией. За основу этого нового Раулз взял принцип отрицания старого: «Устоявшаяся мораль, связанная с полурелигиозными взглядами на общество, более официально не поддерживается <...> свобода от навязанной морали порождает активное стремление к позитивистскому пуританизму» [23, с. 468]. В этом свободном утверждении позитивистских взглядов на мир автор видел возможность «своего рода Ренессанса» – прилива новой жизненной силы (Там же, с. 468–469). Причина надежд, лелеемых автором, дана в самом конце статьи в образе сетей «капиталистической цивилизации» [23, с. 469].

Употреблением слова *Ренессанс* автор отсылал читателя к известной работе Н.А. Бердяева «Конец Ренессанса» [1], переведенной на английский язык для «Славянского обозрения» в 1925 [6]. В ней философ писал о кризисе и крахе европейского гуманизма в современную ему эпоху. Основным выражением этого краха Бердяев считал механизацию, несвободу человеческой жизни; глубинной причиной – отказ человека от высших сверхчеловеческих начал бытия, от божественных святых; единственным путем его преодоления – сознательное самоподчинение человека высшему закону.

Рауз отчасти разделял бердяевское понимание современной эпохи как кризисной. Однако он переосмысливал и формы, и суть этого кризиса, и пути выхода из него. Для Рауза основной формой кризиса становится отсутствие жизненной силы, сутью – навязанная мораль капиталистического общества, выходом – новый позитивистский гуманизм.

Скрытый намек на полемику с Бердяевым становится определенным в контексте отсылки к этой работе в предыдущей статье «Конец времени» (автор – К. Доусон) [15]. Доусон прямо говорил, что вслед за Бердяевым считает высокие достижения культуры европейского Ренессанса укорененными в интенсивной духовной жизни средневекового человека. В то же время он выдвинул мысль о необходимости «возврата от критицизма и индивидуализма к органическому духовному коллективизму». В этом чаянии «духовного коллективизма» прочитывается не только надежда на «возвращение жизненных сил западной цивилизации» [15, с. 397, 400, 401], но и одобрение советского коммунизма.

Сходными ожиданиями наполнена и шумевшая книга Б. Рассела «Практика и теория большевизма» (*The Practice and Theory of Bolshevism*), вышедшая в свет в 1921 г. Так же, как в статьях Рауза и Доусона и в рецензиях Курноса, в книге Рассела важнейшей чертой, определяющей привлекательность коммунизма, является энергичность. Философ, в частности, обрисовал возможное идеальное будущее в образе мужчин и женщин, занятых «благотворным, полезным трудом» и не имеющих «времени на пессимизм и отчаяние» [24, с. 17].

Вопрос об энергии, потенциале телесных и духовно-душевных сил и, наконец, о соответствии запросам времени представляется специфически английским. В однозначном предпочтении советской «мощи» и «современности» «анахронизму» и «бессилию» русской эмиграции сказались не только политические взгляды [20], но и базовые ценности английской культуры. В первую очередь это черты «практичности», «желания работать» без «подкрепления» практических дел «теориями», о которых именно в 1920-е гг. писал англичанин Дж. Б. Пристли в книге «Английский юмор» (*English Humour*, 1929) [22, с. 18]. Эти же черты были почти веком ранее сформулированы в книге американского автора Р.У. Эмерсона «Английские черты характера» (*English Traits*, 1856) как «аппетит к действию», «практическое здравомыслие», «телесная мощь» и «сила выносливости» [17, с. 769, 810, 801].

Энергичность, сила предстают в этих работах базовыми ценностями английской культуры. В такой перспективе мысль о «новой энергии», заложенной как в самой идее коммунизма, так и в советском эксперимен-

те и советской культуре, должна была импонировать английскому читателю. В свою очередь эта мысль так же, как отрицательное отношение к русской эмиграции, представляется своеобразным порождением английского социокультурного сознания, предвосхищающего «молодой напор» со стороны советского искусства и обнаруживающего его признаки в художественных произведениях советских авторов; предполагающего потерю эмигрантами «твердой почвы под ногами» и находящего признаки бессилия в разнообразных интонациях русского зарубежья. Не случайно первый выпуск «Британской русской газеты» (*British Russian Gazette and Trade Outlook*) открывался призывом редакции понять, что «ненависть к большевизму» не имеет смысла, что «то, что сделано, не может быть повернуто вспять» и что нужно действовать в соответствии с идеей «будущее Европы – в России» [16, с. 3].

Можно предположить, что на отрицательном восприятии британцами феномена русского эмиграционного творчества в целом сказались и жесткость смыслов, заложенная в константе английской культуры «дом/ home», в которой дом – это «крепость», требующая ожесточенной борьбы и удержания своей территории. На это указывает статья под названием «Хорошие и плохие русские» (“*Good and Bad Russians*”), опубликованная в ноябрьском номере «Британской русской газеты» за 1923 г. В статье русская эмиграция прямо обвиняется в том, что «думает не о России, а о правительствах» и что «не готова принести даже такую малую жертву родине, как жизнь» [7, с. 21].

Во многом в соответствии с установкой на отрицательное отношение к русским эмигрантам выстраивалась и английская рецепция творчества Бунина в 20–30-х гг. XX в. Несомненно, это отношение усугубилось жесткими антисоветскими высказываниями писателя, о которых, как явствует из интервью с ним С. Грэма [18], английские интеллектуалы прекрасно знали. Так, едва ли не наиболее влиятельными в английской среде словами о «недостатках» бунинского творчества явились утверждения «ведущего историка русской литературы в Англии» Д. П. Святополк-Мирского [2, с. 211]. Это слова об устарелости бунинской поэзии, о чрезмерной эстетизированности и психологической поверхностности его рассказов, а также о том, что «с 1918 г. произведения Буни-

на ни разу не достигали уровня “Господина из Сан-Франциско”» [21, с. 124–130]. В подтексте краткого анализа творчества писателя остаются обвинения в яром консерватизме и узости мышления, с которыми Святополк-Мирский выступил в том же году в русскоязычном журнале «Версты» [4, с. 209].

Бунинское творчество было воспринято в 1920–1930-х гг. в Англии очень неоднозначно. С одной стороны, он стал одним из немногих современных русских писателей-эмигрантов, которых переводили и публиковали в Британии и США в эти годы [4], с другой – как нелиберальный и несоциалистический писатель, дворянин по происхождению, человек открытых антисоветских убеждений и элитарный писатель Бунин подвергался резкой критике. Снисходительно-отрицательная оценка, данная его роману «Жизнь Арсеньева» в «Критерионе», связана с целым комплексом реакций английского интеллектуального общества на «советское» и «русское эмигрантское», за которым наравне с эстетическими, политическими и экономическими соображениями стоят константы английской культуры.

Литература

1. Бердяев Н.А. Конец Ренессанса и кризис гуманизма // Его же. Смысл истории. М. : Мысль, 1990. С. 116–143.
2. Казнина О.А. Князь Д.П. Святополк-Мирский: талант и судьба // Русское присутствие в Британии. М.: Современная экономика и право, 2009. С. 209–221.
3. Рогачевский А. И.А. Бунин и «Хогарт Пресс» // И.А. Бунин: новые материалы. М. : Рус. путь, 2004. Вып. 1. С. 333–353.
4. Святополк-Мирский Д.П. Библиография (рец. на «Современные записки» и «Волю России» за 1920–1925 гг.) // Версты. 1926. № 1. С. 206–210.
5. Ушакова О.М. Т.С. Элиот как автор и издатель литературных журналов // Вестн. Правосл. Св.-Тихон. гуманит. ун-та. Сер. III: Филология. 2011. Вып. 1(23). С. 145–150.
6. Berdiayev N. The End of the Renaissance / tr. by A. A. Shidlovsky // The Slavonic Review. June 1925. Vol. IV. N 10. P. 1–17.
7. [Brodiaga]. Good and Bad Russians // British Russian Gazette and Trade Outlook. November 1923. Vol. 1. N 2. P. 21.
8. Cournos J. Reviews of Russian periodicals // The Monthly Criterion. May 1927. Vol. V. N II. P. 281.
9. Cournos J. Reviews of Russian periodicals // The Criterion. August 1927. Vol. VI. N 2. P. 186–187.
10. Cournos J. Reviews of Russian periodicals // The Monthly Criterion. January 1928. Vol. 7. N 1. P. 91.
11. Cournos J. Reviews of Russian periodicals // The Criterion. December 1928. Vol. VIII. N 31. P. 767–772.
12. Cournos J. Reviews of Russian periodicals // The Criterion. April 1930. Vol. IX. N XXXVI. P. 585.
13. Cournos J. Reviews of Russian periodicals // The Criterion. April 1934. Vol. XIII. N LII. P. 535.
14. Cournos J. Reviews of Russian periodicals // The Criterion. January 1938. Vol. XVII. N XVII. P. 383.
15. Dawson Ch. The End of an Age // The Criterion. April 1930. Vol. IX. N XXXVI. P. 386–401.
16. [Editorial]. Let Us Consider! // British Russian Gazette and Trade Outlook. October 1923. Vol. I. N 1. P. 1–3.
17. Emerson R. W. English Traits // Emerson R. W. Essays and Lectures: Nature: Addresses and Lectures. Essays: First and Second Series. Representative Men. English Traits. The Conduct of Life. – N.Y. : Literary Classics of the USA, 1983.
18. Graham S. Russian Writers in Exile // The Times. 1925. April 3. P. 17.
19. Gross J. The Rise and Fall of the Man of Letters. Aspects of English Literary Life since 1800. Chicago: Ivan R. Dee, 1992.
20. Homiakov N. Bases of Anglo-Russian Friendship // The Russian Review. 1912. Vol. II. N 2. P. 9–19.
21. Mirskii D. S., Prince. Contemporary Russian Literature: 1881 – 1925. London: A. A. Knorpf, 1926.
22. Priestley J. B. The English Character // Priestley J. B. The English Humour. London: Longmans, Green and Co, 1929. P. 1 – 11.
23. Rowse A.L. The Theory and Practice of Communism // The Criterion. April 1930. Vol. IX. N XXXVI. P. 451–469.
24. Russell B. The Practice and Theory of Bolshevism. London: George Allen and Unwin Ltd., 1921.

Perception of creative work by I.A. Bunin in the context of the English dialogue about Russian emigration an Soviet Russia

There is considered the connection of the English literary and critical evaluation of the creative work by I.A. Bunin in the 1920s – 1930s with the complex of social ideas, aesthetic and political views and values of the English culture.

Key words: English dialogue about the “Russian” and the “Soviet”, basic values of the English culture, literary and critical evaluation, political views, perception of creative work by I.A. Bunin.